

Французский ежегодник 1976

М.: Наука. 1978. С.180-196

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Творчество Бернара Ле Бовье Фонтенеля (1657—1757) составляет необходимое звено перехода от французской философии XVII в. к французскому Просвещению XVIII в.

В 1686 г. в сочинении «Разговоры о множестве миров» (*Entretiens sur la pluralité des Mondes*) Фонтенель осуществил талантливую популяризацию гелиоцентрического учения Коперника (1473—1543) и философских идей Декарта (1596—1650). Развивая и углубляя философские принципы картезианства, Фонтенель подверг глубокому анализу и резкой критике с позиций материализма антропоцентризм и телеологизм перипатетической теологии.

Большинство исследователей считали «Разговоры» Фонтенеля аналогией картезианства во французской литературе конца XVII в.

В очерках «Об истории» (*De l'histoire*, 1699 г.) и «Происхождение мифов» (*Origine des Fables*, 1724) Фонтенель применил сенсуалистическую гносеологию Гассенди (1592—1655) к исследованию мифологии и истории.

В очерке «Об истории» Фонтенель, исходя из традиционного антропологизма европейского сенсуализма XVII—XVIII вв., рассматривал характер первобытного человечества. В процессе исследования он частично разорвал с антропологическим подходом к истории первобытного общества и сформулировал принципы позитивной историографии. В очерке «Происхождение мифов» Фонтенель заложил материалистические основы этноистории и некоторые принципы этнографического исследования.

Соединение принципов картезианства и гассендизма позволило Фонтенелю высказать ряд оригинальных идей, которые легли в основу научных методов критики религии, получивших развитие в трудах Буланже (1722—1759), де Броса (1709—1777), Рейналя (1743—1796), Дюпюи (1742—1809), Вольея (1757—1820).

Создавая историко-социологическое учение на базе рационализма Декарта и сенсуализма Гассенди, Фонтенель одновременно выразил основные идеи янсенизма. Уже в 1689 г. в «Речи о терпении» Фонтенель подверг критике стоицизм и сформулировал основы этики янсенизма.

В творчестве Фонтенеля нашли отражение три основные философские и интеллектуальные направления XVII в.: картезианство, гассендизм и янсенизм. Это обстоятельство делает его наследником и продолжателем идей Фронды. Б. Ф. Поршнев пишет: «Фронда ждет своей научной реабилитации. Много свидетельствует о том, что она была исторически явлением, более глубоким, более важным, более содержательным, чем допускает традиция. В том числе недостаточно исследовано влияние Фронды на историю идей, как и истории идей — на Фронду»¹. (Курсив наш. — К. Я.).

Исследования Б. Ф. Поршнева показали, что объединение картезианства, гассендизма и янсенизма, не состоявшееся в августе 1648 г.,

¹ Поршнев Б. Ф. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970, с. 49.

могло решительным образом повлиять на характер Фронды и ее судьбу. «...Если бы их сплочение оказалось возможным, Фронда имела бы идеологию... она не была бы уже тем, во что превратилась на деле»².

Изучение отношения Фронды к французской философии XVII в. имеет давнюю традицию в русской историографии. В 1868 г. русский историк В. Герье исследовал распространение картезианской философии во Франции XVII в. и то влияние, которое она оказала на умственную жизнь французского народа. Касаясь отношения деятелей Фронды к философии Декарта, Герье писал: «Старые фрондеры старались забыть честолюбивые замыслы своей юности в беседах с приверженцами новой философии и в спорах о беспредельности мира и о свойствах материи. Кардинал де-Рец, удалившийся от политической жизни, устранился в своем замке Коммерси философские беседы и отстаивал истинный смысл декартова учения против искажений бенедиктинца Дегабе (Desgabets). Герцог Конде, который своею непокорностью едва не пошатнул французского престола, но свою вину перед отечеством искупил блестящими победами, занимался теперь философией с лучшим из учеников Декарта — Режисом, и в своем замке Шантильи беседовал с Мальбраншем... Маркиз де-Вард... увозит Режиса в провинцию, в которую он назначен губернатором... Замок герцога де-Люипа заслужил признание картезианской академии: до такой степени интересовались там философией Декарта»³.

Герье отметил также степень влияния рыцарского периода Фронды на изучение философии Декарта⁴ и указал некоторые источники, которые позволили бы продолжить изучение данной проблемы. Идеи Герье не были развиты в русской историографии. Причина этого не только в несомненном непонимании Фронды, отмеченном Б. Ф. Поршневым. На наш взгляд, сама недооценка Фронды явилась в значительной степени результатом непонимания ее органической связи с философией Декарта, Гассенди и Пор-Рояля.

Идея бесконечного множества миров в творчестве Декарта, Гассенди, Сирано де Бержерака, Фонтенеля не имела естественнонаучных доказательств. Она являлась, как нам кажется, отражением социального плюрализма Фронды, проекцией тех социальных сдвигов, которые наметились во французском обществе XVII в.

Фронда объявила войну антропоцентризму Людовика XIV, возмнившему, подобно афинскому безумцу, что «прекрасная Франция» создана исключительно для того, чтобы служить своему королю. Солдаты принца Конде придерживались иного мнения. Они черпали силы для борьбы с социальным антропоцентризмом французского короля не только в ненависти к деспотизму и в личном мужестве. В какой-то мере психологической основой этого движения была идея множества миров в ее космологическом и этнографическом выражении. Принцип релятивизма теоретически обосновывал социальный плюрализм и звал к борьбе с иерархизмом католической церкви и тоталитарным безумством феодального государства. Таким образом, опиравшееся на практику классовой борьбы XVII в. учение о множестве миров было, по нашему мнению, выражением социально-политических основ Фронды.

Органически соединив философские принципы рационализма Декарта, сенсуализма Гассенди и этики янсенизма, Фонтенель превратил это единство в качественно новый метод познания мира, явившийся одновременно блестящим философским выражением исторического завещания Фронды и всего XVII в. Все это позволяет нам утверждать, что Фонтенель был не только последним философом Фронды, но и первым мыслителем французского Просвещения XVIII в.

² Там же, с. 53.

³ Герье В. И. Лейбниц и его век. СПб., 1868 г., т. 1, с. 155—156.

⁴ Там же, с. 156.

Философские идеи картезианства, гассендизма и янсенизма, выраженные Фонтенелем, были широко известны в России XVIII — начала XIX в.

*

Как показали исследования Б. Е. Райкова, Московская Русь до XVIII в. в области космологической картины мира опиралась на средневековую интерпретацию геоцентрических систем Аристотеля и Птолемея⁵.

Только в эпоху петровских реформ в России были сделаны попытки изложить учение Коперника.

Оценивая положение гелиоцентрического учения в России первой четверти XVIII в., Б. Е. Райков пишет: «Остается впечатление, что и Петр и его сотрудники допускали гелиоцентрическую систему как одно из вероятных объяснений строения вселенной, но за полную истину ее не принимали и наряду с ней считали возможными и другие толкования. Таким образом, Потешный лист 1707 г., где рядом с Коперником фигурируют на одинаковых основаниях и Птолемей, и Тихо де-Браге, получает как бы некоторое символическое значение как наглядное изображение этого мировоззренческого эклектизма»⁶.

После основания в России Академии наук учение Коперника и Декарта пропагандировал журнал «Краткое описание комментариев Академии Наук» (1726), а в 1728 г. Академия организовала первое открытое выступление своих членов с пропагандой гелиоцентрического учения. Таким образом, в конце 20-х годов XVIII в. гелиоцентрическое учение было уже известно в России, однако было недоступно для широких общественных кругов. Теория Коперника разрешалась только в качестве учения, предназначенного для избранного общества.

В 1728 г. Антиох Кантемир начал работу над переводом книги Фонтенеля «*Entretiens sur la pluralité des Mondes*»⁷. Через два года, когда перевод был выполнен, Кантемир обратился к академику Гроссу с просьбой содействовать его изданию. Осенью 1731 г. Гросс в письме к Шумахеру просил о «напечатании перевода бывшего своего ученика, князя Кантемира»⁸. 30 сентября 1731 г. Шумахер ответил: «Если князю Кантемиру будет угодно переслать мне свой перевод книги Фонтенеля «*De la pluralité des mondes*», то я тотчас же озабочусь о печатании. Только я бы предварительно желал знать, одобрил ли это его графское сиятельство [Остерман], а также его преосвященство архиепископ [Феофан Прокопович], потому что книга такого содержания, что ее нельзя напечатать без министерского разрешения»⁹. Это требование задержало издание перевода.

В 1731 г. Кантемир был назначен русским посланником в Лондон. В Англии он продолжал работу над переводом, внес ряд уточнений, исправил некоторые ошибки. В начале 1738 г. Кантемир послал Шумахеру исправленный экземпляр перевода. Однако Шумахер не спешил с его изданием.

20 апреля 1738 г. Кантемир писал Гроссу: «Что касается рукописи, то я прошу г. Шумахера, если он еще намерен ее печатать, распорядиться обратить внимание на маленькие заметки, которые я добавил... Если

⁵ Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.—Л., 1937, с. 107.

⁶ Там же, с. 123.

⁷ Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы, т. II. СПб., 1868, с. 345.

⁸ Пекарский П. История императорской Академии Наук в Петербурге. СПб., 1870, т. I, с. 215.

⁹ Там же, с. 215.

же печатание не будет признано нужным, сохраните, пожалуйста, рукопись себе для развлечения»¹⁰. 6 июля 1738 г. Кантемир снова написал Шумахеру. Из содержания письма очевидно, что издание перевода должно было появиться в ближайшее время. «Милостивый государь. Я узнал из письма г-на Гросса, что вы уже получили рукопись перевода Разговоров (du discours) г-на Фонтенеля о множестве миров и что Вы намереваетесь напечатать ее, изменив название. Так как я не сомневаюсь, милостивый государь, что у вас для этого были очень серьезные основания, я старался их угадать, и я их нашел два: одно заключается в том, чтобы избавить от недовольства ханжей или слишком щепетильных людей, и другое, чтобы облегчить продажу книги. Если именно первое заставляет Вас изменить название, о котором идет речь, хотя уже имелся подобный труд г-на Гюйгенса, напечатанный на русском языке по приказу Петра Великого, то можно было составить название в таком виде: «Разговоры астрономические, в которых той науки нужнейшие знания кратко и вразумительно к общества понятию изъяснены чрез господина Фонтенеля etc».

Если второе основание, я думаю, что можно оставить название, которое автор дал своему труду, добавив к нему некоторые детали, вытекающие из содержания. В результате последует: Разговоры о множестве миров, в которых той науки нужнейшие знания etc.

Вот мои соображения по данному вопросу, которые, однако, Вы можете употребить, как вы пожелаете, и я Вас прошу быть уверенным в том, что я в полной мере отдаю должное трудам, которые Вы, милостивый государь, вложили в дело издания этой великой книги»¹¹.

За подготовкой издания книги Фонтенеля был установлен строгий надзор цензуры. Издателю было «приказано, всякий раз, как будет отпечатан лист этого труда, тотчас же посылать один экземпляр князю Черкасскому [канцлеру] и другой кабинет-министру Волинскому»¹².

В конце 1739 г. брат академика Гросса передал Кантемиру первый отпечатанный лист перевода. 12 декабря Кантемир писал Гроссу из Парижа: «Monsieur, Ваш брат показал мне лист моего перевода «La pluralité des mondes», напечатанного в Петербурге, и так как вы отмечаете тут, что г. Шумахер обещал Вам продолжить его печатание, то я надеюсь, что оно не замедлится быть законченным. Поэтому я беру на себя смелость просить Вас при удобном и незамедлительном случае прислать мне не менее двух экземпляров, один из которых я хотел бы преподнести автору»¹³.

В 1740 г. книга Фонтенеля вышла в Санкт-Петербурге при императорской Академии наук в русском переводе под названием «Разговоры о множестве миров г. Фонтенеля, Парижской академии наук секретаря. С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году»¹⁴.

Перевод книги Фонтенеля явился первым в России серьезным изложением гелиоцентрического учения Коперника и материалистической философии Декарта. Кантемир много сделал для создания *русской научной терминологии*. Сто шестьдесят два примечания, т. е. почти по одному на каждую страницу, содержали разработку значения важнейших философских категорий, сведения о жизни и научных открытиях ряда

¹⁰ Радовский М. И. Антиох Кантемир и петербургская Академия наук. М.—Л., 1959, с. 73.

¹¹ Майков Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903, с. 106.

¹² Материалы для истории императорской Академии наук, т. IV. СПб., 1885, с. 241.

¹³ Майков Л. Н. Указ. соч., с. 155.

¹⁴ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725—1800), т. III. М., 1966, с. 313, № 7862.

мыслителей прошлого, а также определяли значение терминов и слов, впервые введенных переводчиком¹⁵.

Постановка и оригинальное решение важнейших философских проблем, нашедшее отражение в примечаниях, борьба со средневековой схоластикой, защита права науки на свободу исследования, требование невмешательства церкви в дела науки, распространение идей опытного естествознания, прежде всего гелиоцентрической системы Коперника и механики Ньютона, делают Кантемира одним из основоположников светской философской мысли в России.

Примечания к переводу «Разговоров» Фонтенеля вводили русского читателя в круг проблем европейской философии, расширяли его астрономические, исторические и географические познания. Их появление способствовало расширению научной и философской культуры русского общества. Молодой Кантемир знакомил его с великими мыслителями прошлого: Пифагором, Платоном, Аристотелем, Птолемеем, Архимедом, Галилеем, Тихо Браге, Кассини, Коперником, Декартом.

Петербургская Академия наук поддержала работу своего ученика¹⁶. Одобрение Академии отражало общую тенденцию популяризации естествознания в России. Впервые эта задача была поставлена в 1728 г. в журнале «Примечания на ведомости», основанном как приложение к академической газете «Санкт-Петербургские ведомости». За пятнадцать лет существования журнал опубликовал множество статей по вопросам истории, географии и естествознания. 6 января 1732 г. в статье «О зрительных трубах» содержалась ссылка на «Histoire de l'Académie de belles lettres», а 13 января в продолжении той же статьи приводилось мнение Фонтенеля о том, почему древние не могли изобрести зрительные трубы. Это было первое упоминание о Фонтенеле в русской научной литературе.

Б. Е. Райков убедительно показывает, что автором статьи «О земле», напечатанной в «Примечаниях», был Георг Вольфганг Крафт (1701—1754), а переводчиком с немецкого языка Василий Адодуров. Таким образом, Крафту принадлежит первая на русском языке научная статья, пропагандирующая гелиоцентрическое учение Коперника и философскую критику антропоцентризма, данную Фонтенелем¹⁷.

После переворота 25 ноября 1741 г. «Разговоры о множестве миров» стали объектом открытых нападков со стороны реакционных кругов духовенства. Вот история одной из них: Михаил Петрович Абрамов, организатор и директор петербургской типографии при Петре I, постепенно стал решительным сторонником тех идей и понятий, которые Петр I стремился выветрить из русской жизни. Уже в 1717 г. он тайно от Петра сократил тираж перевода книги Гюйгенса «Книга мирозрения», выполненного Брюсом¹⁸. Вступив на путь открытой борьбы с последователями петровских преобразований, Абрамов превратился в клерикала и обскуранта, мечтавшего о том, чтобы учредить в России теократическое государство. В челобитной на имя императрицы Елизаветы Петровны он резко выступил против «богопротивных» и «атеистических» книг, изданных петербургской типографией Академии наук¹⁹. «Посмотрим на настоящее их житие, и узнаем, и рассудим — не от лукавого ли его совета (т. е. совета Феофана Прокоповича. — К. Я.) сия дела их, и прилично ли христианам попускать явно через печатные атеистические книжища низводить в небытие творца своего и Бога (курсив наш. — К. Я.),

¹⁵ См.: Райков Б. Е. Указ. соч., с. 154.

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 30, л. 4.

¹⁷ Примечания на ведомости (СПб.), 1732, № 10, 3 февраля, с. 39—40.

¹⁸ Райков Б. Е. Указ. соч., с. 178—179.

¹⁹ Пекарский П. Наука и литература при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, с. 498—514.

и обличать вся его божественные творения, дела и содействия во уничтожение и в поправа всяго священнаго писания и прочия незаконныя печатать и расcеять богопротивныя книжичища. *Яко же из Гуенсовой и Фонтенеллевоу печатных книжичищъ сатанинское коварство явно суть видимо*» (курсив наш.— К. Я.)²⁰.

Вслед за Абрамовым в борьбу с распространением сочинений Фонтенеля вступило русское духовенство. Начиная с 1756 г. священный Синод принял ряд мер для усиления цензурнаго контроля над изданиями научной и художественной литературы, в которых пропагандировалось учение Коперника. Выдвинуто было предложение запретить печатание без разрешения Синода книг, в которых затрагивались вопросы, могущие поколебать веру в бога и авторитет церкви²¹.

Синод счел целесообразным прежде всего конфисковать «Разговоры о множестве миров». «Вместе с сим в том же требовании св. Синод коснулся вопроса и о том, чтобы находящуюся в многих руках книгу о множестве миров Фонтенеля, переведенную при жизни государыни императрицы Анны Иоанновны князем Кантемиром, также и примечания в прошедших и нынешних годах изданные, в которых о той же материи припоминается, или другое, что вере противное содержится, отобрать везде и прислать в Синод подобно тому, как было поступлено в 1743 году с книгою Аридта и в 1749 году с книгою Феотрона»²². Однако доклад Синода²³ не получил желаемых для духовенства последствий.

В 1761 г. Академия наук выпустила второе издание перевода, сделанного Кантемиром. Существует предположение, что организатором этого издания был М. В. Ломоносов²⁴.

Проанализировав обстановку в Академии, Б. Е. Райков показал, что книга Фонтенеля была напечатана по распоряжению канцелярии, которая в то время полностью находилась в подчинении Ломоносова²⁵.

М. В. Ломоносов первым в России пренебрег запрещением Синода печатать труды, содержащие пропаганду гелиоцентрическаго учения, хотя запрещение Синода 1756 г. было направлено также против него самого, а в 1757 г. члены Синода требовали суда над Ломоносовым как над безбожником²⁶.

«Особенно соблазняло набожных людей распространившееся тогда, с легкой руки Фонтенеля, и вызвавшее много толков и споров учение о множестве миров. Ломоносов, по-видимому, находил эту гипотезу не только очень вероятною, но и несомненною. Уже в 1746 году он очень определенно высказал это в своей оде по случаю севернаго сияния»²⁷.

Интересна и такая деталь. 1 марта М. И. Воронцов писал К. Г. Разумовскому: «Милостивое ваше посещение Конкова приемлю за особый знак вашей ко мне отменной дружбы, сожалею токмо, что я персонально вашему сиятельству услуги мои тамо оказать не мог. Ведаю, сколь ваше сиятельство жалуется шахматную игру, при сем посылаю сделанные оной игре французские вирши; также прилагаю новые стихи и похвалу славному Фонтенелю, токмо об авторе оных неизвестно»²⁸. Письмо Воронцова

²⁰ Шишкин И. Михаил Абрамов, один из противников петровской реформы.— В кн.: Невский сборник, т. I. СПб., 1817, с. 424.

²¹ Барсов Т. О духовной цензуре в России.— В кн.: Христианское чтение, т. ССХII, ч. 1. СПб., 1901, с. 111.

²² Там же.

²³ Доклад Синода о запрещении С.-Петербургской Академии печатать в издаваемых ею ежемесячных примечаниях статьи, противные вере, и об отобрании у кого именуются книги «О множестве миров» Фонтенеля.— ЦГАДА, ф. 18, № 176, лл. 1—2.

²⁴ Райков Б. Е. Указ. соч., с. 212.

²⁵ Там же, с. 213.

²⁶ Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889, с. 242.

²⁷ Будилович А. М. В. Ломоносов, как натуралист и филолог. СПб., 1869, с. 19.

²⁸ Архив князя Воронцова, кн. IV. М., 1872, с. 427—428.

дает основание предполагать, что второе издание «Разговоров о множествах миров», предпринятое по инициативе М. В. Ломоносова в 1761 г., могло быть тайно санкционировано президентом Академии наук К. Г. Разумовским, находившимся тогда в опале на Украине.

13 октября 1755 г. В. К. Тредиаковский подал в Синод тайный донос на А. П. Сумарокова, в котором заявил, что во второй оде цикла «Оды духовные»²⁹ Сумароков оклеветал автора псалма 106. По мнению В. К. Тредиаковского, Сумароков приписал автору 106 псалма идею бесконечности вселенной и множественности миров³⁰. В доносе был воспроизведен текст оды и подчеркнуты места, где содержались мысли о бесконечности вселенной и о множестве миров³¹. Кроме того, Тредиаковский обратился к синодальному члену Троице-Сергиевской лавры архимандриту Афанасию с письмом, в котором выдвинул новые обвинения в адрес Сумарокова.

Смерть Елизаветы изменила положение русского духовенства. Секуляризация церковных имуществ (1763—1764 гг.) завершила подчинение духовенства светской власти, начатое Петром I.

Дальнейшая пропаганда гелиоцентрического учения, не вызывавшая более преследования правительства, связана с именем Семена Андреевича Порошина (1741—1769). Первые труды воспитанника Сухопутного шляхетского кадетского корпуса Порошина были напечатаны в журнале «Ежемесячные сочинения».

В 1756 г. Синод потребовал сообщить, кто является автором сочинения «Размышления о величестве божьем», в котором утверждалось существование множества миров, а священное писание объявлялось заблуждением. Миллер отвечал, что это сочинение принадлежит Семену Порошину и составляет часть книги «Увеселения разума», из которой Порошин перевел один отрывок.

С июня 1762 г. Порошин стал воспитателем наследника российского престола великого князя Павла Петровича³². 24 марта 1765 г. Порошин записал в дневнике: «Из посторонних никто у нас не обедал. Его превосходительство Никита Иванович (Панин.—К. Я.) делал мне честь, что по большей части разговаривал со мной. Зашла речь об Астрономии, и Его Превосходительство спросил Великого Князя, о чем он ныне из Астрономии проходил с г. Эпинусом. Как Его Высочество ответствовал, что проходил о параллаксе, то Никита Иванович заставил его пересказать о том, чему Его Высочество и повиновался. Тут продолжая речь, говорил со мной Его Превосходительство о Лейбнице, о д'Аламбере и о Фонтенеле. Упоминал я, между прочим, что не худо если бы и Его Высочество прочел Фонтенелево сочинение «О множестве миров». Его Превосходительство весьма апробовал это. Известно, сколь в приятном виде представляет Фонтенель наитруднейшие вещи»³³.

Есть основания предполагать, что Порошин познакомил одиннадцатилетнего Павла с основными идеями книги Фонтенеля. Наследник российского престола проявлял интерес к вопросам, поставленным Фонтенелем. Об этом говорит запись в дневнике, сделанная 23 ноября 1765 г.: «Попалися ему (Павлу.—К. Я.) в руки Ежемесячные Сочинения, и я за чаем показывал ему там переводы свои и сочинения, напечатанные в бытность мою в кадетском корпусе»³⁴.

Дальнейшее распространение в России философских и естественнонаучных идей Фонтенеля связано с именем Федора Ивановича Соймонова (1682—1780). Первый русский гидрограф, мореплаватель и пытли-

²⁹ Ежемесячные сочинения, 1755, сентябрь, с. 251—261.

³⁰ Барсов Т. Указ. соч., с. 114.

³¹ Там же, с. 115.

³² Старчевский А. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845, с. 245.

³³ Семена Порошина записки. СПб., 1844, с. 318.

³⁴ Там же, с. 512.

вый исследователь, талантливый администратор, Соймонов был одним из выдающихся людей России XVIII в.

В 1720 г., выполнив поручение Петра I, лейтенант Соймонов привез в Петербург полную карту Каспийского моря. Петр приказал выгравировать карту на меди и один экземпляр оттиска послать в Парижскую Академию наук. «В своем выступлении по поводу получения карты член Парижской Академии наук Фонтенель сказал, что надо благодарить «победителя-академика» [Петра] за то, что французы знают теперь «подлинную фигуру сего моря, которая совсем не сходится с прежней». Французская Академия наук перегравировала эту карту, сделав перевод всех названий на французский язык»³⁵.

В 1740 г. Бирон сослал вице-адмирала Соймонова на каторгу в г. Охотск, где он около двух лет работал рабочим на солеваренном заводе. В марте 1742 г. Елизавета освободила Соймонова, но он остался жить в Сибири, где занимался научными исследованиями. В марте 1757 г. Екатерина II назначила Соймонова губернатором Сибири. Вернувшись в 1768 г. из Сибири в Москву, Соймонов продолжал научную работу по популяризации учения Коперника, начатую им в журнале «Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах».

В 1765 г. в Москве было издано сочинение Соймонова «Краткое изъяснение о астрономии»³⁶. В основу этого труда автор положил сочинения Гюйгенса, статьи из академического журнала «Примечания к ведомостям», статьи М. В. Ломоносова и «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля.

Сочинение Соймонова имело строго продуманную логическую структуру. В предисловии он писал, что в сочинении нет идей, которые принадлежали бы ему самому. В этом он видел свое отличие от Фонтенеля, который наряду с пропагандой идей Декарта высказывал и оригинальные философские суждения³⁷. Задача автора скромнее. Он стремится сообщить русской публике сведения по астрономии, которые уже были опубликованы в различных изданиях, в частности в собрании сочинений императорской Академии наук.

Сочинение открывалось фрагментом «О астрономических феноменах», в котором Соймонов рассматривал необходимые гносеологические проблемы.

Постановка этих проблем теории познания, критика антропоцентризма говорит о том, что Соймонов подошел к решению основных проблем астрономии с позиций материалистического сенсуализма. Таким образом, рассмотрение естественнонаучных проблем стало философским.

От философских проблем познания Соймонов перешел к изложению основных космологических систем. Вначале он привел точку зрения древнего гелиоцентризма, нашедшую выражение в трудах Пифагора, Платона и Аристарха. Геоцентризм Птолемея и Аристотеля рассматривался как реакция на первоначальную точку зрения, которая отрицала, что Земля находится в центре мира. Геоцентризм церкви, таким образом, лишался исторического оправдания.

Излагая системы Птолемея и Тихо Браге, Соймонов давал аргументированную критику этих систем³⁸. Далее он открыто пропагандировал систему Коперника. Среди последователей Коперника Соймонов отметил прежде всего Галилея. Он показал его заслуги в развитии астрономии и поведал о гонениях на Галилея со стороны римской церкви³⁹.

³⁵ Гончаров В. Г. Ф. И. Соймонов — первый русский гидрограф. М., 1954, с. 11.

³⁶ Соймонов Ф. И. Краткое изъяснение о астрономии, в котором показаны величины и расстояния небесных тел, купно с порядком в их расположении и движении по разным системам, и о величине и движении земного глобуса. Выписано из разных астрономических и физических авторов. М., 1765.

³⁷ Соймонов Ф. И. Указ. соч., с. 2.

³⁸ Там же, с. 19—33.

³⁹ Там же, с. 15.

Наиболее важные проблемы книги Соймонова заимствованы из «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля. В шестом параграфе, озаглавленном «О солнце», Соймонов изложил систему Коперника, «опираясь на четвертый вечер «Разговоров» Фонтенеля⁴⁰. Развивая естественнонаучную сторону гелиоцентризма, Соймонов несколько раз ссылался на Фонтенеля, причем можно предположить, что он пользовался оригиналом⁴¹.

В заключение Соймонов изложил закон всемирного тяготения Ньютона⁴² и рассмотрел попытку Ньютона деистически решить вопрос об источнике небесного движения⁴³.

Соединение картезианства и ньютонизма, не приемлемое для Фонтенеля, характеризует собственную позицию Соймонова. Совершенно очевидно, что он не был полностью удовлетворен картезианской космологией. Однако объяснение космологического деизма Ньютона проникнуто у Соймонова духом критической проницательности⁴⁴.

В 1802 г. в Петербурге вышло третье издание перевода Кантемира. Одновременно «Разговоры о множестве миров» были напечатаны в Москве в новом переводе, выполненном А. П. Трубецкой.

Вдова князя Александра Юрьевича Трубецкого (урожденная Левашова)⁴⁵, Анна Петровна Трубецкая, была образованнейшей женщиной России. После смерти А. Трубецкого она вторично вышла замуж за графа С. Ф. Броглио, товарища А. С. Пушкина по Лицею⁴⁶.

Ни один из современников графини Броглио не указывает, что именно она перевела «Разговоры» Фонтенеля. Утверждение о переводе А. П. Трубецкой Фонтенеля принадлежит В. В. Сопикову⁴⁷, Н. Н. Голицыну⁴⁸ и Б. Е. Райкову⁴⁹.

Сравнение переводов позволяет установить французские издания, которые легли в их основу. В пятом издании (1708 г.)⁵⁰ Фонтенель поместил предуведомление, которого нет в переводе Кантемира, но которое имеется в переводе Трубецкой⁵¹. Предуведомление 1708 г. сохранялось до седьмого издания (Париж, 1714 г.). В 1719 г. к предуведомлению добавлено было указание о Гюйгенсе, сделанное издателем Этьеном Роже, а в 1724 г. (восьмое издание, Париж) предуведомление полностью снято. Поскольку Трубецкая его сохраняет, включая упоминание о Гюйгенсе, мы можем заключить, что перевод Трубецкой сделан с амстердамского варианта седьмого издания, который вышел в 1719 г. Это предположение подкрепляется также тем обстоятельством, что с девятого издания (1742 г., Париж) Фонтенель включал в третью главу «Fables sur les Abeilles», отсутствующие в переводе Трубецкой⁵².

В переводе Кантемира нет ни предуведомления, ни добавления к предисловию. Следовательно, перевод был сделан с парижского издания 1724 г. В основу издания был положен один из вариантов третьего издания (1694 г., Париж), подготовленный Мишелем Броне.

⁴⁰ Соймонов Ф. И. Указ. соч., с. 35—36. Ср.: Фонтенель. Разговоры о множестве миров. СПб., 1802, с. 106—107.

⁴¹ См.: Соймонов Ф. И. Указ. соч., с. 49—50, 57, 60—62, 66, 81.

⁴² Там же, с. 83.

⁴³ Там же, с. 83—84.

⁴⁴ Там же, с. 84.

⁴⁵ Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб., 1873—1875; см. также: Долгоруков В. П. Российская родословная книга. СПб., 1854—1857, ч. 1, с. 324.

⁴⁶ Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина по императорскому Царскосельскому лицее. СПб., 1913, т. III, с. 387—394.

⁴⁷ Сопиков В. В. Опыт российской библиографии. СПб., 1904, № 9455.

⁴⁸ Голицын Н. Н. Библиографический словарь русских писателей. СПб., 1889, с. 248.

⁴⁹ Райков Б. Е. Указ. соч., с. 153.

⁵⁰ Fontenelle. Entretiens sur la pluralité des Mondes. Paris, 1966, p. 9—10.

⁵¹ Ibid., p. 10.

⁵² Ibid., p. 100—101.

В 1758 г. журнал «Сочинения и переводы» напечатал «Разговор в царстве мертвых. Артемизий и Раймунд Луллий»⁵³. Переводчик Андрей Нартов публикацией отрывка из «Разговора мертвых» («Les dialogues des morts», 1683) Фонтенеля положил начало распространению его сочинений в русских журналах XVIII — начала XIX в. Полный перевод «Разговоров в царстве мертвых» вышел в 1821 г.⁵⁴

В 1769 г. Николай Новиков (1744—1818) поместил в журнале «Трутенъ» сатирическое сообщение о Безрассуде, на которого «Разговоры о множестве миров» оказали вредное влияние⁵⁵. Заметка Новикова перепечатывалась в третьем и четвертом изданиях «Живописца»⁵⁶, а из пятого издания статья была исключена цензурой⁵⁷.

В 1781 г. юмористический журнал «Разкащик забавных басен», издаваемый А. О. Аблесимовым на средства Н. И. Новикова, напечатал апокрифическую переписку Фонтенеля с Э. Юнгом (1683—1765). Большинство исследователей считает переписку литературной подделкой Ж. Делиль де Саля (1743—1816), который в многотомном сочинении «Философия природы» попытался развенчать выдающихся представителей французского материализма XVIII в. и восстановить авторитет религии. Переписка содержит шесть писем 1741 г., переведенных, однако, не полностью. В ней противопоставлены два противоположных характера: бесстрастный Фонтенель, опирающийся на разум, и эмоциональный Юнг, поэт, живущий чувствами и воображением⁵⁸.

В 1792 г. академический журнал «Новые ежемесячные сочинения» напечатал полный перевод писем, сделанный А. Севастьяновым, с вводной заметкой Делиль де Саля, содержащей характеристику обоих корреспондентов⁵⁹. В этом же году одно из писем Юнга появилось в сборнике «Новая новинка»⁶⁰. В начале XIX в. переписка Фонтенеля с Юнгом появилась в двух различных переводах. Первый принадлежал М. Г. Каченовскому⁶¹, второй — преподавателю иностранных языков Троице-Сергиевской семинарии М. М. Вышеславцеву⁶².

Интерес русского общества к апокрифической переписке Фонтенеля с Юнгом объясняется постановкой на страницах писем важнейших нравственных проблем. Картезианец Фонтенель утверждал преимущество бесстрастного созерцания мира. Утверждение это имело гносеологическое обоснование. Известно, что «сердце всегда нас обманывает, а разум никогда»⁶³. Мир, рожденный страстями, не существует в природе⁶⁴. Но требование бесстрастия имело и онтологическое основание: «На весах природы тяжесть зла столько перевешивает тяжесть блага, что поистине

⁵³ Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758, май, с. 465—469.

⁵⁴ Фонтенель. Разговоры в царстве мертвых, древних и новейших лиц.— Соч. Фонтенеля. Перевел с франц. Иван Бутовский. СПб., 1821.

⁵⁵ Трутенъ (СПб.), 1769, ч. 1, лист 18, август 25 дня, с. 136—137.

⁵⁶ Живописец (СПб.), 1775, ч. II, с. 128—130; там же: 1781, ч. II, с. 97—98.

⁵⁷ Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.—Л., 1951, с. 723.

⁵⁸ Разкащик забавных басен, служащих к чтению в скучное время или когда кому делать нечего. Стихами и прозою. М., 1781, ч. II, л. 38, с. 92—93; л. 40, с. 105—109; л. 41, л. 113—116; л. 45, с. 145—149; л. 46, с. 153—154; л. 51, с. 197—200.

⁵⁹ Оставшиеся письма Фонтенеля и доктора Юнга. Перевел с французского из книги, называемой «La Philosophie de la Nature» Александр Севастьянов.— Новые ежемесячные сочинения, 1792, март, ч. LXIX, с. 83—102.

⁶⁰ Письмо доктора Юнга к Фонтенелю из Лондона. Переведено с франц.— Новая новинка, или всего понемножку, в стихах и прозе, забавное творение. СПб., 1792, с. 59—63.

⁶¹ Письма Фонтенеля и доктора Юнга, по смерти их изданные. Перевел с франц. М. Каченовский.— Иппокрена, или утехы Любословия, 1801, ч. XI, с. 65—85.

⁶² Письма Фонтенеля и Юнга. Перевел Вышеславцев. М., 1801.

⁶³ Там же, с. 24.

⁶⁴ Там же, с. 25—46.

человеку должно желать быть нечувствительным»⁶⁵. Таким образом, бесчувствие является неизбежным продуктом стремления к благополучию, т. е. законом самой природы⁶⁶.

Картезианскому стоицизму Фонтенеля, т. е. спинозизму, Юнг противопоставлял романтическую аналогию страстей и христианскую этику наслаждения через страдания, основанную на вере в бессмертие души.

Соотношение морали и религии, рассматриваемое в апокрифической переписке Фонтенеля и Юнга, стало предметом философских исканий К. Н. Батюшкова (1787—1855). Батюшкову чужды были этические нормы картезианского стоицизма, враждебного религии. Истинной основой морали он считал христианскую религию, а библию объявлял хранилищем всех нравственных истин⁶⁷.

В начале XIX в. интерес к Фонтенелю не ослабел. В 1803 г. отрывки из его сочинений появились в альманахе «Разумный и забавный собеседник»⁶⁸, а вслед за этим особое внимание Фонтенелю уделила «Утренняя заря».

Уже в первой книге «Утренней зари» появился очерк «Об астрономии», в котором в популярной форме была изложена идея множества миров и бесконечности Вселенной во времени и пространстве⁶⁹. В статье «Четыре главные эпохи просвещения», переведенной Н. Грамматиним⁷⁰, автор рассматривает Фонтенеля как одного из основателей века Просвещения в Европе. Характерно, что к этой же эпохе автор относит и одного из вождей Фронды. Характеристику особенностей литературного стиля Фонтенеля мы встречаем также в статье «О вкусе», переведенной Сергеем Соковпиным⁷¹.

Изложению основных идей Фонтенеля была посвящена статья «Миры», напечатанная в четвертом выпуске «Утренней зари». В статье утверждался принцип материалистического сенсуализма, положение о том, что в природе все связано, и познание физического мира ведет к необходимости к познанию нравственного. Далее автор говорит о пользе исследования природы. Изобретение телескопа просветило людей более, чем все догматические книги прошлого. В заключение автор излагает идею множества миров бесконечной Вселенной и критикует антропоцентризм⁷². Пятая книга помещает перевод некоторых глав «Истории оракулов» («Histoire des Oracles», 1686 г.), выполненный С. Соковпиным, без указания автора сочинения.

Как отмечает С. И. Ковалев, сочинение Фонтенеля «История прорицаний», вышедшее в 1687 г., — «не оригинальная работа, но блестящая популяризация произведения голландского врача Антона ван Дале «Два рассуждения об оракулах» (1683). Основная идея обеих работ — в мире нет ничего сверхъестественного, и вся религия — только ловкая выдумка жрецов. Это последнее утверждение, конечно, антиисторично, но оно будет типичным для всего французского Просвещения»⁷³. В действительности, нападая на католицизм в форме критики язычества, Фонтенель частично порвал с принципом рационалистической критики религии. Это понимал уже русский переводчик *«Не думаю, чтоб первое уста-*

⁶⁵ Письма Фонтенеля и Юнга. Перевел Вышеславцев, с. 11.

⁶⁶ Там же, с. 39.

⁶⁷ Батюшков К. Н. Сочинения, т. II. СПб., 1885, с. 133, 139.

⁶⁸ Разумный или забавный собеседник, или Собрание философических, нравучительных и остроумных повестей, выбранных из лучших новейших французских и немецких писателей, как то: Вольтера, Жан-Жака Руссо, Фонтенеля, Бартеlemi, Морица, Коцебу и других. М., 1803.

⁶⁹ Утренняя заря. М., 1800, кн. I, с. 171—173.

⁷⁰ Утренняя заря. М., 1805, кн. III, с. 163—164.

⁷¹ Утренняя заря. М., 1800, кн. II, с. 259.

⁷² Утренняя заря. М., 1806, кн. IV, с. 35—36.

⁷³ Ковалев С. И. Основные вопросы происхождения христианства. М.—Л., 1964, с. 91.

новление Оракулов имело в виду обман и коварство (курс. наш.— К. Я.); но люди мало-помалу делались суевернее; и это подало повод одной, более просвещенной половине воспользоваться слабостью и суеверием другой, ибо глупости народа часто бывают таковы, что их никак нельзя предвидеть; часто хитрые люди обманывают его, так сказать, не значай, и не имея намерения обманывать; часто сам он заставляет умных водить себя за нос»⁷⁴.

Не отказываясь полностью от теории, объясняющей возникновение оракулов сознательным обманом духовенства⁷⁵, Фонтенель тем не менее сделал первый шаг в преодолении рационалистической методологии. Позднее в очерке «Происхождение мифов» (1724) он заложил основы исторического метода познания религии.

В пятой книге «Утренней зари» была помещена также первая статья, давшая законченную оценку заслугам Фонтенеля в области философии и литературы⁷⁶.

Оригинальным документом начала XIX в., давшим оценку переводу «Разговоров», выполненному Кантемиром, явился философский очерк К. Н. Батюшкова «Вечер у Кантемира». В диалоге между Кантемиром и Монтескье Батюшков отразил драматическую ситуацию эпохи появления перевода «Разговоров о множестве миров» и показал те глубочайшие трудности, которые пришлось преодолеть Кантемиру.

«Монтескье: Сожалее и удивляюсь, как можно писать — скажу более — как можно мыслить на языке не образованном? Вы пишете по-русски, а ваш язык и нация еще в пленках.

Кантемир: Русский язык в младенчестве, но он богат, выразителен, как язык латинский, и со временем будет точен и ясен, как язык остроумного Фонтенеля и глубокомысленного Монтескье. Теперь я принужден бороться с величайшими трудностями, принужден изобретать беспрестанно новые слова, выражения и обороты, которые, без сомнения, обветшают через несколько годов. Переводя Миры Фонтенеля, я создал новые слова: академия Петербургская часто одобряла мои опыты... Я очищал путь для моих последователей.

Аббат В.: Но скажите, бога ради, как же вы могли присвоить себе тонкие выражения и обороты первого щеголя языка французского, нашего семидесятилетнего Фонтенеля?

Кантемир: Как умел! Я следовал рабски по следам его. Перевод мой слаб, груб, неверен. Скифы заставили пленного грека изваять Венеру и обещали ему свободу. Грек был дурной ваятель. В Скифии не было ни паросского мрамора, ни хороших резцов; за неимением их соотечественник Праксителей употребил грубый гранит, молот, простую пилу и создал нечто похожее на Венеру... Скифы были довольны, ибо не знали божественного подлинника, и поклонялись новой богине с детским усердием. Скифы — мои соотечественники, Праксителива статуя — книга бесмертного Фонтенеля, а я — сей Грек, неискусный ваятель»⁷⁷.

Сам Фонтенель всегда сохранял пристальный интерес к России. Свидетельством этого было «Похвальное слово» в память Петра I, произнесенное в Парижской Академии наук по случаю кончины русского царя. Предыстория его такова. В 1717 г. Петр впервые посетил Францию. «Государь изъявил также желание быть во Французской Академии наук и по этому случаю 19 июня там было чрезвычайное заседание под председательством аббата Биньона»⁷⁸. После заседания ученые Франции

⁷⁴ Утренняя заря. М., 1807, кн. V, с. 159—160.

⁷⁵ Там же, с. 166.

⁷⁶ Прокопович-Антонский В. Фонтенель.— В кн.: Утренняя заря. М., 1807, кн. V, с. 130—132.

⁷⁷ Батюшков К. Н. Указ. соч., т. II, с. 222—223.

⁷⁸ Пекарский И. Наука и литература при Петре Великом, т. I, с. 44.

старались показать Петру «все, что было нового и примечательного по части опытных наук»⁷⁹. Ознакомившись с Академией, Петр «изъявил свое соизволение быть ее Членом»⁸⁰.

В конце 1717 г. Петр получил письмо от президента Академии наук аббата Ж. П. Биньона, в котором содержалось сообщение о решении Парижской Академии наук избрать его своим членом.

В январе 1718 г. Фонтенель обратился к Петру с письмом, не попавшим во французские издания его сочинений, в котором сообщил о принятии русского царя в члены Парижской Академии наук⁸¹.

27 декабря 1719 г. он написал второе письмо Петру I⁸².

В ответ на благодарственную грамоту Петра I 15 октября 1721 г. Фонтенель от имени Королевской Академии наук послал Петру третье письмо.

В ноябре 1725 г. Парижская Академия наук поручила Фонтенелю произнести «Похвальное слово» в память Петра Великого, описать деятельность русского царя в области промышленного развития, науки и культуры.

В этом сочинении Фонтенеля мы ясно видим изложение программы века Просвещения: разрушение косности прошлого России, развитие промышленности и торговли, развитие науки и техники, рассматриваемое как корень прогресса, переход к религиозной терпимости. Фонтенель подробно рассматривал религиозные реформы Петра I. По его мнению, уничтожение патриаршества, секуляризация части земель у монастырей и богатых церквей, наконец, введение полной свободы совести в России характеризуют Петра как сторонника религиозной терпимости.

Эта мысль Фонтенеля, развитая Вольтером, получила широкую известность в России. В 1771 г. писатель и переводчик В. Г. Рубан (1742—1795) издавал журнал «Трудолюбивый муравей». В пяти его номерах мы находим полный перевод фонтенелевского «Похвального слова Петру I»⁸³.

Вторая публикация «Похвального слова» связана с именем И. И. Голикова (1735—1804). Уже в молодые годы будущий купец Голиков проявлял интерес к личности и деятельности Петра. В 1761 г. он был избран депутатом от белгородской провинции в Уложенной комиссии. В процессе работы комиссии Голиков познакомился с многими современниками Петра. В 1780 г. Голиков попал под уголовный суд, который приговорил его к ссылке в Сибирь. Однако через два года по случаю открытия памятника Петру в Петербурге вышел указ, по которому Голиков получил свободу. Голиков дал клятву перед памятником Петра отблагодарить своего избавителя. Через шесть лет он начал издавать многотомное сочинение «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» (1—12. М., 1788—1789)⁸⁴.

В девятом томе сочинения Голиков воспроизводит «Похвальное слово» Фонтенеля⁸⁵, полностью заимствуя перевод, напечатанный ранее в журнале «Трудолюбивый муравей». Кроме того, Голиков несколько раз упоминает имя Фонтенеля⁸⁶, а сам перевод снабжает рядом примечаний,

⁷⁹ Полуденский М. Петр Великий в Париже.— В кн.: Русский архив, 1865, с. 692.

⁸⁰ Отечественные записки, 1821, ч. V, № 10, с. 179.

⁸¹ Избрание Петра Великого в члены Французской Академии наук.— Отечественные записки, 1821, ч. V, № 10, с. 180—181. См. также: Княжецкая Е. А. Начало русско-французских научных связей.— В кн.: Французский ежегодник. 1972. М., 1974.

⁸² Отечественные записки, 1821, ч. V, № 10, с. 184—186. См. также: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, с. 530. См. также: Княжецкая Е. А. Указ. соч.

⁸³ Трудолюбивый муравей (СПб.), 1771, № 2—6, с. 9—44.

⁸⁴ Старчевский А. Указ. соч., с. 171.

⁸⁵ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России..., т. 9. М., 1789, с. 341—376.

⁸⁶ Голиков И. И. Указ. соч., т. 5, с. 321—322, т. 9, с. 55, 307, 329, 376.

в которых пытается еще более подчеркнуть роль Петра во внезапном возрождении и преобразовании России⁸⁷.

Комментарии Голикова крайне тенденциозны и не представляют интереса. Значительно большего внимания заслуживает полемик Голикова с Мабли по вопросу о смысле и значении для России преобразований Петра I.

Как известно, во французском Просвещении XVIII в. существовали две противоположные точки зрения на социальный смысл и значение для России преобразовательной деятельности Петра I. Первая точка зрения нашла яркое выражение у Фонтенеля и Вольтера. Опираясь на авторитет Лейбница, излагавшего Петру свои планы развития наук и просвещения в России, Фонтенель и Вольтер защищали версию, согласно которой Россия внезапно вышла из ничтожества и поднялась до уровня цивилизованных наций волей Петра I⁸⁸.

В 1762 г. Ж.-Ж. Руссо заявил, что Фонтенель преувеличивал значение преобразовательной деятельности Петра I. В сочинении «Об общественном договоре» Руссо писал: «Русские никогда не будут народом истинно цивилизованным, потому что их цивилизовали слишком рано. Петр имел только подражательный гений; истинного гения, который создает и делает все из ничего, у него не было. Некоторые из проведенных им реформ были сделаны хорошо, большая же часть была неуместна. Он видел, что его народ — народ варварский, но он не видел того, что он не зрел для истинного управления; он хотел его цивилизовать, когда его надо было обучить войне. Он хотел сначала сотворить из своих подданных немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы сделать из них русских»⁸⁹.

В 1767 г. в сочинении «Об изучении истории» («De l'étude de l'histoire») Мабли развил далее отрицательную оценку петровских преобразований, данную в трудах Руссо. Обращаясь к Петру, автор говорил: «Вы напоминаете Прометея, который похитил огонь с неба, чтобы оживить грубую глину, но позвольте Вас спросить, каков фундамент здания, воздвигнутого Вами? Может быть, Вы пренебрегли им, помышляя лишь о внешних украшениях? Не исчезнет ли волшебное величие, заключенное в Вашем труде, вместе с Вами? Может быть, государь, восхищаясь Вами, потомки будут упрекать Вас в том, что Вы не укрепили благополучие Вашей империи. Может быть, в самих основах Вашего правления найдут они причины его падения и разрушения»⁹⁰.

По мнению Мабли, Петр не изменил социального облика России, ибо не дал народу свободу, а, наоборот, уничтожил все остатки вольности⁹¹, закрепив силу самодержавного правления. Чтобы создать социальные условия для успешных реформ в России, надо учредить в ней дух вольности, который является основой любви к отечеству. Петр способствовал развитию в России торговли, а также научил русских воевать, но не научил их прежде быть гражданами⁹². По мнению Мабли, и Петр и его последователи, вплоть до Екатерины II, считали самодержавный деспотизм нормальной формой правления России.

Возражения Голикова неоригинальны и повторяют «Примечания» И. Н. Болтина (1735—1792) на книгу Леклерка. Они сводятся к утверждению, что российские самодержцы не деспоты, а блюстители законов, и что рабство научит русский народ трудолюбию и послушанию⁹³.

⁸⁷ Голиков И. И. Указ. соч., т. 9, с. 345, 354, 356—358, 360, 368, 376.

⁸⁸ Lortholary Al. Le mirage russe en France du XVIII siècle. Paris, 1951, p. 71.

⁸⁹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1938, с. 38—39.

⁹⁰ Mably. Oeuvres. Paris, 1778, t. XII, p. 305.

⁹¹ Ibid., p. 306.

⁹² Ibid., p. 305, 306.

⁹³ Голиков И. И. Указ. соч., т. 9, с. 441, 449.

Публикация отрывков из сочинений Мабли знакомила русского читателя с основными течениями французского Просвещения в оценке деятельности Петра I. Однако Голиков умалчивал, что точка зрения Руссо и Мабли получила в 1767—1780 гг. подтверждение в трудах Мерсье де ла Ривьера, Д. Дидро и Г. Рейналя.

С существованием крепостного права и политического деспотизма связано критическое отношение Рейналя к реформистской деятельности Петра I: «Уважение, которое следует воздать памяти Петра I, не мешает утверждать, что он так и не увидел благоустроенного в целом государства... Он не поднялся до того, чтобы сочетать благо своего народа со своим личным величием. После его блистательных нововведений нация продолжала прозябать в бедности, рабстве и угнетении. Он не пожелал ни на йоту поступиться своим деспотизмом, а пожалуй, еще более его усугубил, оставив своим наследникам ужасную и разрушительную идею, согласно которой подданные — ничто, а государство — все»⁹⁴.

Полемика двух направлений французского Просвещения XVIII в. о будущем России нашла отражение в позднем периоде литературной деятельности К. Н. Батюшкова. В 1816 г. в статье «Вечер у Кантемира» Батюшков поставил вопрос о значении для России преобразовательной деятельности Петра I. В беседе участвуют Ш. Монтескье, аббат Вуазенон и А. Кантемир.

«Монтескье... До сих пор я думал и думаю, что климат ваш суровый и непостоянный, земля по большей части бесплодная, покрытая в зиму глубокими снегами, малое население, трудность сообщений, образ правления, почти азиатский, закоренелые предрассудки и рабство, утвержденные веками навыки, все это вместе надолго замедлит ход ума и просвещения. Власть климата есть первая из властей.

Аббат В. Я с вами согласен и полагаю, что все усилия исполинского царя, все, что он ни сотворил железною рукою, все разрушится, упадет, исчезнет. Природа, обычаи древние, суеверие, неисцелимое варварство возьмут верх над просвещением слабым и неосновательным. и вся полудикая Московия снова будет дикою Московией, и вечный туман забвения покроет дела и жизнь преемников Петра Великого. Как можно сеять науки там, где осенью серп земледельца пожинает редкие класы на бороздах, потом его орошенных...»⁹⁵

Таким образом, Батюшков знал точку зрения Руссо на будущее России и ее обоснование в трудах Дидро, Мерсье де ла Ривьера и Рейналя.

Кантемир, участвующий в разговоре, иначе оценивает деятельность Петра I: «...Вы знаете, что Петр сделал для России: он создал людей... Нет, развил в них все способности душевные, он вылечил их от болезни невежества, и русские под руководством великого человека доказали в короткое время, что таланты свойственны человечеству»⁹⁶.

Высокое мнение о значении петровских преобразований, а также отрицание абсолютной роли климата в развитии просвещения свидетельствуют о том, что Кантемир явно выражает точку зрения Фонтенеля. Несомненно, что и личная позиция Батюшкова близка к позиции Фонтенеля.

Вопрос о значении для России петровских преобразований долгое время вызывал интерес русского общества. Об этом свидетельствует появление нового перевода «Похвального слова» Фонтенеля, предпринятого в 1840 г. А. Зражевской⁹⁷.

⁹⁴ Raynal G. Th. Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes, 1780, t. I, p. 636.

⁹⁵ Батюшков К. Н. Сочинения, т. II, с. 225—227.

⁹⁶ Там же, с. 228.

⁹⁷ Маяк современного просвещения и образованности. (СПб.), 1840, ч. IV, с. 102—122.

В творчестве А. С. Пушкина находит завершение фонтенелевская традиция в русской литературе. В черновиках седьмой главы «Евгения Онегина» в строфах, посвященных библиотеке Онегина, мы встречаем имя Фонтенеля⁹⁸:

Прочел скептического Беля,
Прочел творенья Фонтенеля⁹⁹.

Исследовав варианты восьмой главы, Б. В. Томашевский показал, что «Фонтенель был знаком Пушкину не только как автор «Множественности миров».

Онегин:

Прочел идиллии Фонтенеля...

Эти идиллии Пушкин знал еще по «Лицею» Лагарпа, где они фигурируют как эклоги с весьма нелестными характеристиками¹⁰⁰. Влияние «Лицея» Лагарпа ощущается в статье Пушкина «О прозе»: «Вольтер может почесться лучшим образцом благоразумного слога. Он осмелся в своем «Микромегасе» изысканность тонких выражений Фонтенеля, который никогда не мог ему того простить»¹⁰¹.

В личной библиотеке Пушкина мы встречаем парижские издания сочинений Фонтенеля 1764, 1767 и 1766—1767 гг.¹⁰² Интерес Пушкина к Фонтенелю имеет семейную традицию. Среди книг, отобранных в 1730 г. у Абрама Петровича Ганнибала и переданных в библиотеку Академии наук, мы встречаем сочинения Сирано де Бержерака, Банье, Рого, Мальбранша. В реестре книг, свидетельствующем о широких научных интересах Ганнибала, значатся «Письма Фонтенеля» («Lettres de Fontenelle», 1716)¹⁰³. В «Апате Петра Великого» молодой Ибрагим «присутствовал на ужинах, воодушевленных молодостью Арузта и старостию Шолье, разговорами Монтескье и Фонтенеля»¹⁰⁴.

Б. В. Томашевский приводит ряд доказательств, свидетельствующих о хорошем знании Пушкиным отдельных изречений Фонтенеля¹⁰⁵.

Работая над образом Петра I, Пушкин, несомненно, был хорошо знаком с фонтенелевской традицией. Об этом говорит общность точек зрения по ряду важнейших вопросов петровской истории. Создавая «Полтаву», Пушкин, возможно, опирался и на «Похвальное слово» Фонтенеля. Доказательством тому служит текстуальная близость в описании окончания полтавской битвы¹⁰⁶.

Но Пушкин был последним, кто так внимательно изучал Фонтенеля. Вместе с ним угас интерес к наследию этого французского философа и просветителя, столь сильный у представителей русской общественной мысли XVIII — начала XIX в.

⁹⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 5. М.—Л., 1949, с. 589.

⁹⁹ Там же, с. 183.

¹⁰⁰ Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960, с. 140.

¹⁰¹ Пушкин А. С. Указ. соч., т. 7, с. 14.

¹⁰² Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910, № 921, 922, 923, с. 23.

¹⁰³ Пушкин и его современники. Материалы и исследования, т. V. П., 1914, с. 231—232.

¹⁰⁴ Пушкин А. С. Указ. соч., т. 6, с. 11.

¹⁰⁵ Томашевский Б. В. Указ. соч., с. 141.

¹⁰⁶ Пушкин А. С. Указ. соч., т. 4, с. 297. Ср.: Фонтенель. Похвальное слово императору Петру Великому. М., 1807, с. 34.

Тематически связанные материалы

В. Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед Революцией

А. Соболев. Философы и Французская революция

Х. Момджян. Французское Просвещение XVIII века: очерки